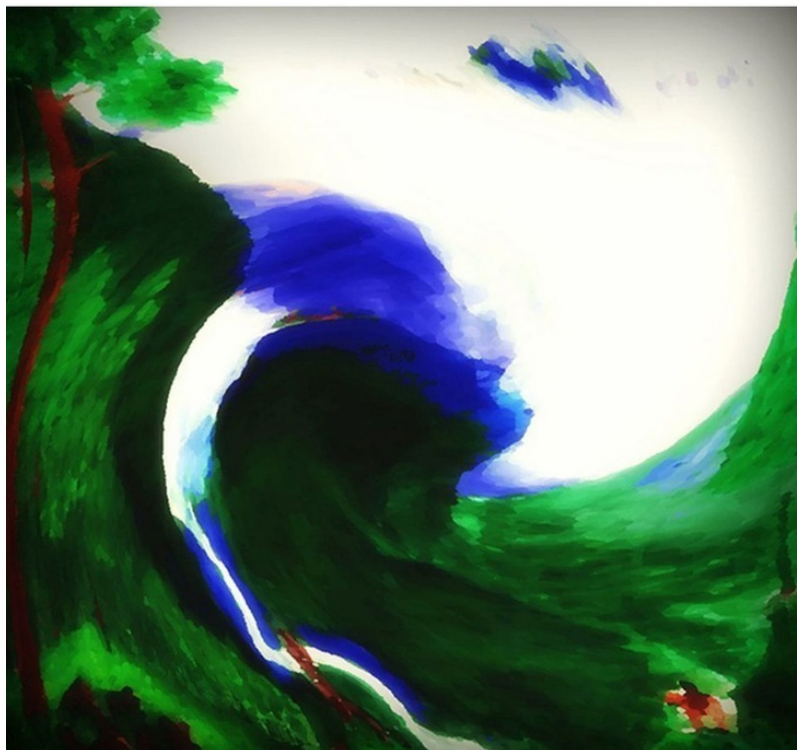

Наталья Баскакова
Жизнь = Путь

Только личное

Наталья Баскакова

Жизнь = Путь. Только личное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43722151

ISBN 9785005034571

Аннотация

Эту книгу я написала для осмысления своего жизненного пути, для своих детей, внуков, друзей. И чтобы не забыть самой. Я старалась быть предельно честной и искренней. Надеюсь, мой опыт поможет тем, кто только собирается в дорогу. Я особое внимание уделяла всяким частным реалиям, которые могут оказаться решающими. Особенно, когда ты далеко от родного дома.

Содержание

Зачем я писала эту книгу	5
Жизнь как путь, путь как жизнь	10
С чего начинать	17
Земля Обетованная	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Жизнь = Путь

Только личное

Наталья Баскакова

© Наталья Баскакова, 2019

ISBN 978-5-0050-3457-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зачем я писала эту книгу

Действительно? А на кой? Возможно, кто-то здесь узнает своё. Но больше я это делала для себя, чтобы разобраться.

В моей жизни две точки притяжения: дом, куда бы хотелось возвращаться, и путь, по которому хочется идти. С домом пока все сложно, а вот Путь? Я решилась идти самостоятельно, имея в анамнезе уйму проблем, прежде всего, финансовых и со здоровьем. Но тем не менее...

В 2019 мне случилось 66 лет. Цифра странная и запредельная, будто бы существующая отдельно от меня. Но это факт. Большую часть жизни я проработала в бюджетных организациях: в советских СМИ и в российской высшей школе: то есть, финансово обеспечена я так себе. Вырастила двоих сыновей, проводила в последний путь маму, инвалида первой группы. И, пожалуй, самый главный, много решающий факт: по количеству пережитых травм свою норму я, как сказал мне однажды врач, выполнила и перевыполнила. Четыре черепно-мозговых травмы и сотрясение мозга, переломы рук и ног, повреждено правое плечо. Еще какие-то проблемы с нервной системой, которая реагирует надо не надо на все, что ни попадя. Но у кого нет проблем, особенно сейчас?

Пока моему младшему сыну не исполнилось 17 лет, и он не окончил школу, я летела по жизни как кем-то выпущенная стрела. Всегда несколько работ и приработок. Утром

подъем на автомате, вечером падаешь замертво. Я не знала, что такое бессонница, неуверенность в себе, страхи и пр. У меня просто не было времени даже думать обо всем этом.

Дети выросли, ушла мама, стали приходиться вопросы. Прежде всего, в жизни надо определиться с целью. Понять – чего я хочу на самом деле? Что делать, когда делать ничего не хочется? От слова совсем. Хочется только спрятаться под одеяло и никого не видеть. Любой контакт царапает, нет, рвет в кровь кожу, железом по стеклу доводит до сумасшествия.

Главная проблема – боль. Первое, что понимаешь, еще не открыв глаза: руки сводит как после общего наркоза, боишься дышать – вдруг грудь разорвется. Но приходится вытаскивать себя из состояния полнейшего анабиоза и отправляться в Путь... За новой жизнью. А вдруг ожидает где-нибудь за ближайшим углом? Надо быть готовым ко всему. Кто ж знает, каким образом ей в голову взбредет проявиться.

В детстве я приходила на замерзшую речку и мечтала: здесь будет каток, дорожки, посыпанные песком, резные лавочки из поваленных деревьев. И фонари будут мерцать после заката солнца. Затерялась та речка где-то в глубоких оврагах дальневосточной тайги...

Выхожу на свет, хотя больше всего хочется спрятаться куда-нибудь... Порой солнце светит так завлекательно. А ведь может рассердиться и уйти, с него станется в наших северо-западных широтах. Пользуйся пока есть, налетай, а то

махнет лучиком и исчезнет за густой пеленой. Тогда взвонешь.

Самое большое желание – жить без напряжения, дышать полной грудью. Но не получается. Приходится выбиваться из сил: уйму времени отнимают самые мелкие дела, съедая последние ресурсы.

Хочется жить? Но так велико искушение шагнуть с обрыва, с моста, взлететь в высоту, в пустоту... Та, что выбрала девизом «идти по жизни, не касаясь ее», вдруг увязла в боли и крови. Так рождается ребенок, так рождается жизнь. Невыносимая легкость бытия оборачивается ночным кошмаром. Чем придется заплатить? Спасибо, Господи, что деньгами. А если? Боже, освободи меня от выбора – чья жизнь ценнее.

Жизнь прекрасна в любом случае. Ее красота и удовольствие неразрывно связаны с болью. Потому что только так можно почувствовать реальный вкус жизни. Мы приходим в жизнь и нам помогают выжить. Мы идем по жизни, как нам кажется, в одиночку, но только с Другими мы понимаем – кто мы на самом деле. Жизнь только для себя не имеет смысла. Потому что жить, даже совсем просто – больно, сложно, трудно, монотонно.

Мы рождаемся не просто так. У каждой жизни есть свое предназначение, своя цель. Если человек идет своей дорогой – он счастлив. Независимо от материального достатка, уровня комфорта, даже здоровья. Тривиальные истины. Кому много дано, с того много и спрашивается. Устаешь порой.

Хочется пожить простой обывательской растительной жизнью. Но только собралась, как судьба берет за шкуру и долбает о ближайшую стенку. Так что мало не кажется! И приходит панической атакой ночь, давит горло, не дает вздохнуть. Дожить бы до утра, дожждаться солнца. Оспидя, в этом городе так редко случается солнце, одна белесая волглая хмарь...

Этого дракончика для меня нарисовал мой старший сын. Как одно из отражений моей сущности. Ведь действительно, почему я не летаю, а ведь так хочется. С другой стороны, родилась я 2 января, реально Снегурочка, только зеленая почему-то.

Бывает сердце останавливается от болевого шока: одно неловкое движение, будто кто-то воткнул стамеску в коленный сустав и медленно так поворачивает. Здесь главное – приземлиться в нужном месте, не упасть посреди улицы. Можно к стеночке прислониться. Кто там будет разглядывать твои белые губы. Боль уходит медленно, все время оборачиваясь и ехидно помахивая огненной гривой.

Мои желания: идти по солнечной стороне улице, красиво-му парку, дороге, когда над головой глубокое голубое небо с легкой рябью облаков; вязать игрушки и дарить их; читать интересные книги. Для меня это давно non-fiction или фэнтези, перестала воспринимать то, что принято называть художественной литературой

Жизнь как путь, путь как жизнь

Совсем недавно вдруг стала завидовать. Тем, кто путешествует. И не то, чтобы я хотела в эти же места, но возможность взять и полететь-поехать-побрести куда-нибудь далеко тревожит и не дает покоя.

Зачем куда-то ехать, лететь, искать? Необходимо просто вырваться из обыденности, ежедневности, повторения одного и того же. Некоторые любят стабильность. Все движения до автоматизма, глаз можно вообще не открывать – ничего нового не увидишь. И, наверное, в этом есть основа основ. Как в камне, который лежит на том же самом месте уже ни одну сотню лет. И на нем можно устраивать, обустроить мир, который доверен тебе. Люди есть оседлые, а есть летящие. Потому что их дом – весь мир. И мечтают они об обустроенности нашей маленькой огромной земли. Это с какой стороны посмотреть?

Реально же нужны и те, и те. И самым улетающим необходимо место, куда можно вернуться, где их ждут.

Не люблю разглядывать известные достопримечательности. Особенно в толпе. Предпочитаю бродить по пустынным улочкам. Иногда такое попадает, окошко в другую реальность. Да и видно лучше, можно рассмотреть с разных ракурсов.

Любимое время – ночь, когда звенит тишина, улета

куда-то ввысь. Самая большая радость – дорога. Уносится прочь лента. убегает, ускользает, движется и меняется. Красота невозможная, передать словами нельзя. Можно только показать, почувствовать. Ветер бьет в лицо. Неужели опять в полете? Сегодня, завтра, вчера смешиваются в один непрерывный поток времени. Когда это было, с кем, как... Синий след неустанно ложится под ноги. И вдруг понимаешь, что ступаешь по чьим-то следам. То есть не сам идешь, а тебя ведут. Надо бы остановиться, повернуть, выбрать свое, но неведомая сила тянет за собой.

Чего всегда не хватало, так это амбиций. А сейчас вдруг появились, но это постоянное одергивание себя – не хватает сил, денег. А если плюнуть на нехватки и улететь? Что ждет меня там? Охота за чувствами, впечатлениями, ощущениями никогда не заканчивается. А если желания исчезли – все, ты уже умерла.

Жизнь, которой я живу, и жизнь, которой хотелось бы жить? Две огромные разницы. Первая – огромное наслоение мелких бытовых дел, которые высасывают всю энергию, отнимают все силы. Вторая – мечта, где я иду по жизни, не касаясь ее. Как совместить, как прорваться через густую пелену объектностей-субъектностей, обволакивающую, душащую? Бросить все к чертовой бабушке и уйти в рассвет – так хочется. Но страх оказаться на краю слишком велик.

В снах я обычно в движении: иду, еду или летаю. Иду по извилистым узким тропам, еду, чаще всего, на поезде.

Стучат колеса на стыках, покачивается вагон, проносятся мимо деревья, вылетают из поворотов изгибы реки, пузатые купола церквушек, полуразвалившиеся строения станционных домиков или уходящие вдаль от шлагбаума извилистые дороги. Это в России.

Проезжала длинный в неделю путь от Новосибирска до Владивостока и обратно ни один раз. Детство умещалось в красивых с филигранью тонкой работы подстаканниках, в которых позвякивали отливающие позолотой ложечки. И мама была такая красивая: блондинка с яркими голубыми глазами и заливающимся грудным смехом привлекала в купе всех проходящих мимо мужчин. И каждый читал своим долгом принести малюсенькой восточного вида девочке конфету. Обычно это были «Красная шапочка» или «А ну-ка отними». Девочка была спокойной, даже слишком спокойной, почти никогда не плакала, и всем развлечениям предпочитала смотреть в пролетавшее за окном. Пока не уставала, тогда просто падала на подушку и засыпала.

Вся моя жизнь прошла в поисках самых разных решений: как выжить в нашем непростом и далеко не всегда прекрасном мире. Постоянный контроль, расчет, подсчет... Иногда мне кажется, что у меня внутри встроен миникомпьютер. Хотя порой и он дает сбой. А сил остается все меньше и меньше. Заманало постоянное выгадывание, вечный калькулятор в мозгах: это можно, это не можно.

Какими мы были? Верили в лучшее. И в то же время

жизнь раскалывалась на множество мелких осколков, а наше дело было все собирать и подбирать. Каждая мелочь давалась с боем. Каждый кусок колбасы, литр молока, шмат масла давались с большим трудом. Все надо было, отстоять, выгрызть. Дома все должно было быть как у людей. Только кто их видел, этих людей. Одежду искали по комиссионкам. Что-то было в этом непристойное, с чужого плеча побирались. Хотя помню было платье, сшитое в ателье. Что мне сейчас мешает одеваться круто и стильно? Ничего не хочу. Выбираю все самое дешевое, одноразовое. Честно говоря, просто не нравится – ничего! А что б еще за это деньги платить? Ну вы блин даете...

Хочется увидеть реальный рассвет. Не из-за серой раздолбанной пятиэтажки бомжатника, а из-за моря... или леса... или реки. Надо бы дойти утром до пешеходного моста через Волхов. Или Кубань.

Еще мне хочется очутиться на Сахалине. Пройти по дороге на «Горный воздух», была такая турбаза, да вроде и сейчас есть. Я обожала мчаться по тропинкам. Что мне больше всего нравилось? Тишина и то, что никого нет. Оказывается, я уже тогда любила уединение. И рвать напрямки: есть дорога, нет дороги. Вот где бы мне пригодилась способность взлетать прямо с места!

Жизнь тонет в сиреневом тумане. Мы уходим в рассвет каждый день. Земля ложится под ноги. Дождь барабанит который день, медленно выколачивая остатки жизни. Хочет-

ся только спать... спать... спать.... Там во сне все такое яркое и загадочное – бесконечные дороги, поезда, гостиницы, моря, горы, реки и никогда не знаешь, что же там появится за следующим поворотом. А еще во сне есть дом, куда так хочется возвращаться. Уютная, чуток потрепанная терраса и огромный стол, за которым можно поместить команду футболистов... нет лучше бейсболистов, Хотя, что я знаю про бейсбол. Лишь то, что его любят в Америке.

Я всегда мечтала о путешествиях. В детстве, посмотрев «Три толстяка», представляла как буду колесить по Европе в фургончике, летая над сценой как Суок – героиня Лины Бракните. Но в то время от городка Свободный Амурской области, окутанного сиреневым туманом багульника, где тогда зависли мои родители, скитаясь из одной геологической партии в другую, до Европы было как до Луны. Единственные европейцы – польская семья, жившая в соседнем домике. Тогда я не понимала, откуда в дальневосточных степях, поросших багульником, поселились поляки. И только намного позже, уже во взрослой жизни, узнала, что вокруг городка с гордым названием Свободный находилось огромное количество лагерей для... «врагов народа», «изменников Родины». И соседи поляки попали сюда не по своей воле. Их привезли в теплушках, из которых надо было выходя вставать сразу на колени. И на коленях ползти к вокзалу. Встать можно было только, чтобы сразу загрузиться в машину. Так заставляли делать всегда, при любой погоде, в любое

время года. Впрочем, я тогда и не знала ни о чем таком. Советский Союз был лучшей страной на свете. Все люди братья, жизнь прекрасна и удивительна. Я так считала, и очень искренне.

Польские соседи учили меня польским песенкам, соорудили из моих косичек что-то ультрамодное, и все время говорили о том, как они поедут в Польшу, с таким мечтательным придыханием. Я не завидовала, а тоже мечтала вместе.

Над моим топчаном висела огромная карта Советского Союза, когда я просыпалась, то видела первым делом наш Дальний Восток, ленточку Амура, «селечный» Сахалин, нанизанные жемчугом Курилы, россыпь Японских островов. Чтобы посмотреть где Польша, надо было встать на шатающийся топчан, моего роста как раз хватало только прочитать знакомые по соседским разговорам названия – Варшава, Краков, Катовице. Варшаву я увидела, совсем недавно, и впечатления были далеки от тех детских ожиданий. Но это потом. А пока я накручивала круги по сиреневой степи. Багульник, когда цветет, такой нежный. И еще ирисы – я больше нигде не видела их в диком виде и таком количестве. Варшаву же я пройду намного позже.

Таким видел путешествия по Европе мой старший сын лет в 14.

С чего начинать

Первый мой выезд за рубеж – поездка по гранту в программе «Business for Russia» в Соединенные Штаты, еще с советским загранпаспортом. Я представила проект на английском, защитила его письменно и устно перед не говорящими по-русски от слова совсем, американцами, прошла конкурс в 50 человек на место. Было классно, но об этом как-нибудь позже.

1997 год, Вашингтон. Я на выходе из Белого дома. Только обозрела Овальный кабинет и прочее.

Больше всего мне не понравилось в Штатах, что там практически никто не ходит пешком. Ну бегают по утрам в Центральном парке и прочих таких местах, но мы в Нью-Йорке жили от парка далековато. Хотя нет, в Нью-Йорке народ как раз ходит, вернее, несется по улицам. Только времени свободного нам практически не давали, видела я только то, что показывали. А я ведь та еще кошка, что гуляет сама по себе. И достопримечательности как таковые меня не интересуют.

Особенно те, что 100500 раз сфотографированы и выставлены в Интернете.

Потом выросли дети, ушла мама, разогнали мультимедиа студию, где я работала; защитилась кандидатская по религиозной идентичности, идею которой я придумала ранним утром в Niagara Falls, когда увидела на одной улице энное количество церквей и храмов всевозможных конфессий и приходов. В придачу я раздробила свои коленки и целый год еле передвигалась очень странно, часто застывая на месте, потому как сердце останавливалось. От болевого шока.

Земля Обетованная

Здравствуй, солнце, пальмы и песок

Тут спасибо «Одноклассникам» и тем, кто отменил израильские визы для россиян, а больше всего младшему сыну, который решил сделать маме подарок – купил билеты в Тель-Авив и обратно. В Израиль я съездила к своей теще, с которой когда-то очень давно окончила школу в Южно-Сахалинске. Нас, Наташ, в классе, кстати, было восемь. В аэропорту все прошло довольно гладко, спросили: зачем, куда. Показала ксерокопию Наташиного удостоверения личности – теудат зеут (правда, ранее я слышала более прикольное – те-

удат захуйот), сказала, что меня ждут на выходе и полетела по просторам Бен Гуриона. Меня действительно ждали.

Алексей, младший Наташин сын, репатриировался в 14 лет, язык выучил быстро, служил на передовой, принимал участие в операции «Литой свинец». Потом Наташа рассказывала мне, что, когда шла операция, по домам солдат, кто там воевал и реально мог погибнуть, ходили сотрудники, говоря по нашему, из военкоматов. Приносили ведерки со сладостями, открытки, благодарили за детей, в Израиле служат же и мальчики, и девочки.

Леша посадил меня на электричку до Беэр-Шевы. Почему то сразу вспомнился Кубрик со своим «Космическим путешествием». За окном проносились ослепительно красные маки пустыни Негев. Ноябрь, самое время для цветения. В Беэр-Шеве меня встретил на вокзале Виктор, Витя-Витенька, муж Наташи, тоже сахалинец. И началась моя израильская сказка.

Десять дней я прохромала: Бен Гурион, Беэр-Шева, Эн Бокек, Иерусалим, Тель-Авив, Ашдод, Ашкелон. Возились со мной как с ребенком: возили в разные места, показывали, рассказывали. Старинные и ультрасовременные улочки, СПА и роскошно-забавные отели в Эн-Бокек на Мертвом море, цветы и деревья на каждом шагу. Это при том, что в Израиле нет своей воды, ее покупают в Иордании. Потом уже я разглядела, что к каждому деревцу подведена своя трубочка для гидропоники. Впечатления захлестывали.

Если встречал меня младший сын, то проводил старший. Было очень забавно наблюдать, как большие красивые молодые мужчины слушаются свою маленькую улыбчивую маму, ростом не достающую им даже до плеча. Впрочем, когда я стою рядом со своими сыновьями, моя голова тоже где-то в районе их грудной клетки.

В Израиле я абсолютно не ощущала себя чужой. Не напрягали даже досмотры на подходах к публичным местам и большим торговым центрам. Зато многое нравилось, поражало, трогало иногда до слез, например, девушки в военной форме и автоматами на пляжах.

Три дня в отеле на Мертвом море. То ли 12-й, то ли 13-й этаж. Утром с балкона смотришь, как всходит солнце из моря. Вечером оно уходило куда-то за скалы, солеными даже на вид. Огромный номер с двумя кроватями и телефонами около каждой. Телефон был и в ванной на стеночке. Понравилось, что было все продумано именно для таких как я, хромящих, плохо владеющих телом: специальные коврики, поручни.

Два бассейна – на открытом воздухе и под крышей. Ноябрь все-таки. Я была в будние дни. Очень много людей на колясках. Одноруких, безногих. Все плавают, тусуются в джакузи и СПА. Старенькие совсем, всегда с сопровождающими, обычно молодыми женщинами.

Тогда же я насмотрелась израильского телевидения. Понравились певцы мужчины, смазливостью совсем не отли-

чавшиеся. Так, среднего роста, сухощавые. Похожие именно на мужчин, а не на сладких мальчиков. Тогда же в моем play list появился Арик Айнштейн, которого иногда называют израильским Высоцким.

Потом была поездка в Иерусалим и Тель-Авив. Проверка сумок перед Стеной Плача меня не шокировала. А Наташа, подруга моя, посоветовала ходить не с сумкой, а с прозрачным пакетиком, куда я положила немного денег и паспорт. У Стены Плача я просила удачи и счастья моим детям.

Прошлись по знаменитому базару. Я купила браслет и колечко. Наташа торговалась отчаянно. Я же совсем этого не умею. Но говорят, что так принято.

В Тель-Авиве гуляли по набережным, рядом с хорошо отбороненным пляжем. Мне объяснили, что по пляжу каждое утро и каждый вечер проходит мини-трактор с бороной, оставляя на песке ровные полосы. Это, чтобы ничего взрывного никто не оставил.

Когда улетала из Бен Гуриона, сотрудники аэропорта были удивлены малым весом моей сумки. А я реально ничего не покупала. Несколько сувениров и чуток косметики с Мертвого моря.

Через 9 лет я опять прилетела в Израиль. На сей раз в Эйлат из Риги. Рейс был Wizzair, венгерский lowcost. И тут я дала маху. Из двух вариантов – утром в 6.00 или вечером в 18.40 – я выбрала вечерний, т.к. приехала в Ригу из Новгорода в 8 утра, решила, что вот высплюсь, прилечу около

22.00 по местному в Эйлат, все супер! Почему-то посчитала, что мы прилетим на аэропорт, который находится в самом Эйлате. В итоге, рейс задержали часа на полтора. И прилетели мы в Ovda. Это такой сарайчик посреди чистого поля, бывший военный аэродром. Меня спрашивают опять же, куда, зачем. Показываю уже на смартфоне Наташино удостоверение, адрес в Беэр-Шеве, где буду жить, обратный билет, смеются, выдают разрешение проживать в Израиле на 3 месяца.

В Ovda, в принципе, нет места для пассажиров. Вышел из здания – все, назад тебя уже не пустят. Единственное утешение – тепло. Ночью около +15. После -2 в Риге вполне себе. Первым делом захожу в обменник. Курс, как я поняла потом, довольно грабительский. Меняю доллары на шекели. Все остальное закрыто: кафе-бар и чего-то там еще.

И вот посреди ночи подруливает частный автобус на Эйлат (рейсовые ходят только днем), который договорился развезти народ по пансионатам и отелям, и за 22 шекеля везет нас в Эйлат, останавливается где-то недалеко от автостанции, которую еще надо найти. Нас таких «диких» бездомных двое: мне надо в Беэр-Шеву, где живут мои друзья, и Янис из Латвии, 74-х лет с огромным рюкзаком, говорящий по-русски, который приехал без брони отеля и без приглашения. Его очень долго спрашивали на пропускном пункте, и разрешили въехать в страну из-за наличия обратного билета.

Находим ворота автовокзала, все закрыто до 4 утра. Больше двух часов мы сидим на лавочке из бревен под пальмами и беседуем под завывание женщины далеко не юного возраста, бродящей вокруг. Как потом объяснила русскоязычная девушка из круглосуточного магазина, напоившая меня водой, это- сумасшедшая филиппинка, въехавшая в страну непонятно как, без документов, но ее никто не трогает, что-то кто-то подает, иногда в окрестных лавочках помогают. Так и живет уже не первый год.

Ветра почти нет. Лавочка широкая, расположение удобное. Янис рассказывает мне о своих путешествиях по миру, конечно с паспортом Евросоюза это намного проще. Даже в Японию виза не нужна, не говоря уже о всяких разных Африках и Латинских Америках (впрочем, и нам туда тоже по большей части можно заехать свободно). Янис везде путешествует автостопом, в рюкзаке есть мини-палатка и коврик, на котором можно лечь где угодно. Янис собирается пройтись по Израилю, зарулить в Иорданию и Египет. Неожиданно говорит, глядя на недостроенное здание через улицу: «Вот хорошее место для ночлега». На мой удивленный взгляд отвечает: «Главное под крышей». У Яниса нет смартфона, он не пользуется Интернетом, от слова совсем. Евро на шекели поменял еще в Риге, спрятал в подкладку куртки.

В 4 утра открывается автовокзал, но первый автобус по расписанию идет в Тель-Авив и только через час. В Бэер-

Шеву он не заходит. Купить билет в автомате здесь можно только введя номер израильского удостоверения личности, этого самого теудата. У нас, ясен пень, его нет, и первый автобус уезжает без нас. Хотя Янису и он бы подошел, просто выбраться в центр страны.

Воскресенье в Израиле как наш понедельник. Все солдатики возвращаются домой после выходных. Когда наконец в 6 утра открывается касса, мне говорят, что билеты есть только на 5 вечера. Янис уже договорился с кем-то из шоферов и уехал. Мне же шофер объясняет, что билетов нет, но за 45 шекелей (цена полная) может взять меня на борт, типа постоишь, полежишь. Я плачу денежку – мне выдают билетик. Забираюсь в автобус и плюхаюсь на единственно свободное место. Думаю, вот когда попросят, тогда и сойду. Никто не подошел. Весь автобус набит солдатами и солдатками – рюкзаки, автоматы. Кто-то лег прямо на проходе, вытянув ноги в тяжелых армейских ботинках. Среди них, наверняка, был и тот, на чье место я села. Но после двух бессонных ночей мне было не до политесу. Кстати, меня всегда поражала способность израильского солдата засыпать в любом месте, подложив рюкзак под голову: на каменном полу, железной скамейке или ступеньках в автобусе дальнего следования.

Немного сплю, потом разглядываю проносящиеся за окном пейзажи. Просто космические. Марсианские хроники. Красные скалы, желто-серая пустыня, изредка попадаются

мелкие оазисы – кибуцы. Ровные рядки пальм и еще каких-то деревьев, я в ботанике не сильна. Домики маленькие прячутся в тени. Из каждого поселения забирают солдатика или двух-трех. Дорога крутая извилистая, но хода автобуса совсем не чувствуешь, катишься как по гладильной доске.

В Бэер-Шеву попадаю ближе к полудню. Иду по улице, спрашивая всех – говорит ли кто по-английски. Наконец, находится русская женщина, которая прервав весьма оживленный разговор, начинает громко возмущаться, как же меня никто не встретил. Звонит со своего телефона Вите. Тот в это время у врача, кажется, стоматолога. Я мяукаю, что уже в Израиле и даже в городе, стою напротив какого-здания с такой-то надписью. Вите сложно разговаривать, и я бреду дальше. Правда, потом оказывается, что через несколько минут Витя перезвонил той женщине, и она объяснила ему, где искать эту заблудившуюся овцу, т.е. меня. Еще через 15 минут меня забирают и везут домой. Мне даже есть не хочется. Только спать. Наташа на работе, и я отсыпаюсь до ее прихода. В этот раз мне было по фиг на красоты и достопримечательности. Мне нужно было зализать раны, душевные, духовные, да и физические. Когда я искала, куда бы податься для этого, писала своим друзьям и знакомым в разные города и страны, мне ответила только Наташа, чистокровная еврейка: «Да приезжай».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.